

Т. И. Тепляшина, Памятники удмуртской письменности XVIII века (выпуск первый), Москва 1966, 324 стр.

Недавно Институт языкознания АН СССР ротационным способом издал научный труд под названием «Памятники удмуртской письменности XVIII века». Первый выпуск данного сборника включает десять памятников. Восемь из них перепечатаны из различных опубликованных трудов XVIII столетия, представляющих собой в настоящее время уникальную редкость академических архивов и республиканских, областных и краевых библиотек. Две работы воспроизведены из рукописного оригинала, хранящегося в библиотеке АН СССР в Ленинграде и в Государственном архиве Горьковской области в коллекции Нижегородской губернской ученой комиссии (ф. 2013, оп. 602а). Приведенный в сборнике лексический и грамматический материал был собран учеными-энциклопедистами Страленбергом, Миллером, Фишером, Палласом, Фальком, которые при Петре I и Екатерине II были направлены для изучения природных богатств и истории Поволжья, Сибири, Дальнего Востока и Камчатки. Немногие архивные документы, включенные в сборник, составлены различными представителями духовенства. Т. И. Тепляшина проделала огромную работу, собрав этот интереснейший материал из библиотек Москвы, Ленинграда, Горького, Ульяновска, Казани, Кирова, Ижевска, Перми и других городов.

Ценность рассматриваемого труда заключается в том, что тексты памятников в нем не просто перепечатываются, но и весьма подробно и глубоко исследуются. Во введении определены задачи исследования, приведены данные из истории изучения удмуртского языка, куда включена литература с возникновения удмуртской письменности до наших дней. Однако эта часть работы могла бы быть еще подробнее. Важно также, что тексты памятников составитель снабдила весьма обширными и квалифицированными комментариями с привлечением современных языковых фактов различных диалектов, а также литературного удмуртского и близкородственного коми языков. Это намного облегчает чтение текстов и делает их доступными для широкого круга читателей,

в том числе и неспециалистов. Проведенный сравнительно-исторический анализ лексического материала памятников позволил автору в отдельных случаях установить первоначальный фонетический облик некоторых слов и морфем и проследить их постепенную эволюцию в ходе исторического развития. Так, например, слово *кыкъямыс* 'восемь', зафиксированное в памятниках письменности XVIII века, в современном языке звучит как *тямыс*. На основе сравнения различных памятников, а также данных современных диалектов и родственных языков автор прослеживает постепенный переход от *кыкъямыс* к *тямыс*: *кыкъямыс* > *къямыс* > *тямыс*. Таким же образом рассматриваются в работе сложные числительные, обозначающие десятки (*витьдон* > *витьтон* 'пятьдесят', *укмысдон* > *укмыстон* 'десять'). В памятниках зафиксирована также древняя фонетическая форма слов: *юкет* вместо *люкет* 'доля', *юкыны* вместо *люкыны* 'делить', *зизег* вместо *зег* 'рожь', причастий и глаголов 1-го лица настоящего времени на *-ысь*, лит. *-ись* (*-йсь*) (*дышетысько*, лит. *дышетйсько* 'учу, наставляю'). На основе сравнительного анализа лексического материала Т. И. Тепляшиной удалось также обнаружить в словарном составе удмуртского языка ряд слов, которые до сих пор не были известны литературе. К ним относятся *даспуй* 'тысяча', *айвын* 'род', *куболо* 'запись, расписка', *кошкы* 'коробка', *вар* 'слуга', *таулу* 'мордва', *карындык* 'оконница, оконная рама', *чукы* 'стерлядь', *кедисько* 'холодею, забну', *суйгыр* 'локоть', *мый* 'бобр', *кванем* 'аист', *бекра* 'осетр', *кортпась* 'латы', *канделемъ* 'свидетель', *шö* 'знак, сообщение', *юси* 'сердечная горечь, скорбь' и др.

В памятниках встречаются также слова, значения которых и составителю и нам неизвестны. Они даны рядом с другими общеизвестными словами: *вирин* (*собере* 'после'), *чурай* (*ымныр* 'лицо'), *виздым* (*зечлык* 'доброта, добро'), *вудокыл* (*силънуэм, силътöл* 'буря'), *пар* (*вычки*, лит. *вышкы* 'кадка') и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что за два с лишним столетия словарный состав удмуртского языка претерпел значительные изменения. Одни слова устарели и совершенно вышли из употребления, другие сохранились лишь в отдельных диалектах удмуртского или коми языков (*вынморт* 'брат', *кыйкай* 'дичь', *ур* 'ров', *шакта* 'сор', *пась* 'шуба', *сӧллык* 'здоровье'), третьи изменили свою первоначальную семантику и приобрели несколько иное значение. Например, слово *дынь* (очевидно, *дйнь*) в словаре Дамаскина зафиксировано в значении 'двор', а в современных диалектах удмуртского языка оно употребляется лишь в значении 'комель' или служит послелогом, соответствующим русскому предлогу *к*.

Важность рассматриваемого исследования состоит и в том, что составитель дает подробное описание и характеристику каждому из памятников в отдельности, затем, анализируя лексический материал, устанавливает диалектную принадлежность текстов, выявляет их фонетические, морфологические и лексические своеобразия и делает соответствующие выводы. Кроме того, в работе анализируется графика, использованная авторами памятников. В конце книги даны условные сокращения (библиография) и список удмуртских слов, вошедших в памятники, с указанием страниц. Все это делает сборник удобным для пользования.

Выход в свет первого выпуска «Памятников удмуртской письменности XVIII века» — значительное событие в области удмуртской лексикологии и лексикографии. С появлением его широкий круг удмуртского населения получил возможность ознакомиться с литературой, относящейся к раннему периоду развития удмуртской письменности, а в руки языковедов попал благодатный материал для сравнительного

изучения отдельных вопросов исторической грамматики и диалектологии пермских языков.

Недостатки рассматриваемого сборника, на наш взгляд, незначительны. Тем не менее остановимся на некоторых из них.

При разборе словарной статьи под номером 147 на стр. 98 составитель сборника затруднилась определить значение слова *кыртловбурда*. Нам кажется, что данное слово легко расчленяется на части и в современном удмуртском языке оба компонента сложного слова имеют самостоятельное значение: *кыр* 'дикий, поле' и *тыловбурда* восходит к слову *тылобурдо* 'птица'. Следовательно, слово *кыртловбурда*, данное в словаре Палласа, обозначает 'дикая птица'. В отдельных случаях при анализе словарных статей в сборнике не выдерживается, как нам кажется, последовательность подачи материала. В частности, нарушение последовательности допущено при анализе лексического материала рукописной грамматики Михаила Могилдина (стр. 240—283).

Однако эти недостатки настолько незначительны, что ни в коей мере не снижают ценности работы. Еще раз хочется повторить: выход в свет данного сборника имеет большое значение для нашей лингвистики. Приходится сожалеть, что эта ценная работа имеет слишком малый тираж — всего 210 экземпляров. Теперь, когда вышел первый выпуск «Памятников», пора поставить вопрос и о дальнейших выпусках этой серии, поскольку в академических архивах имеется еще целый ряд малоизвестных и совершенно не известных рукописных памятников по удмуртскому языку, относящихся к XVIII и началу XIX века.

И. В. ТАРАКАНОВ (Ижевск)